

В.Путин - Интервью немецкому изданию Bild

Запись интервью состоялась 5 января в Сочи.

11, 12 января 2016 года

Вопрос: Уважаемый господин Президент!

Мы только что отметили 25-летие с момента окончания «холодной войны». За прошедший год во всём мире наблюдалось большое количество войн и кризисов, такого долгие годы не происходило. Что мы сделали неправильно?

В.Путин: Вы начали сразу с ключевого вопроса. Мы всё сделали неправильно, с первых шагов, мы не преодолели раскола Европы. 25 лет назад Берлинская стена пала, но раскол Европы не был преодолен, невидимые стены просто были передвинуты на восток. Это создало предпосылки для будущих взаимных упрёков, непонимания и кризисов. Многие, в том числе и в Федеративной Республике, критикуют меня за известное выступление в Мюнхене на конференции по безопасности. А что такого я сказал необычного?

После того как пала Берлинская стена, говорили о том, что НАТО не будет расширяться на восток. Это говорил тогдашний Генеральный секретарь НАТО, гражданин Федеративной Республики господин Вернер, насколько я помню. Между прочим, некоторые немецкие политики того времени предупреждали об этом и предлагали свои решения, например, господин Эгон Бар.

Знаете, я, естественно, встречаясь с немецкими журналистами, подумал, что мы так или иначе выйдем на ту проблему, которую Вы сейчас затронули, и взял из архива беседы того времени советского руководства, 90-го года, с некоторыми немецкими политиками, в том числе с господином Баром. Это никогда не публиковалось.

Вопрос: Это интервью?

В.Путин: Нет, это рабочие беседы немецких политиков Геншера, Коля, Бара с советским руководством: Горбачёвым, господином Фалиным, который, по-моему, тогда возглавлял международный отдел ЦК. Это никогда не было достоянием гласности. Вы будете первыми и ваши читатели, которые узнают про эту беседу 90-го года. Смотрите, что говорит господин Эгон Бар: «Если при объединении Германии не сделать решающих шагов к преодолению раскола Европы на враждебные блоки, развитие может принять весьма неблагоприятный характер, обрекающий СССР на международную изоляцию». Это было сказано 26 июня 90-го года.

Господин Бар предлагал конкретные вещи. Он говорил о необходимости создания в центре Европы нового союза. Она не должна двигаться в НАТО. Вся Центральная Европа, включая Восточную Германию либо без неё, должна была бы объединиться в отдельный союз с участием и Советского Союза, и Соединённых Штатов. И вот он говорит: «НАТО как организация, во всяком случае, её военные структуры не должны распространяться на Центральную Европу». Он уже был в то время патриархом европейской политики, у него был свой взгляд на будущее Европы, и он говорил своим советским коллегам: «Если вы с этим не согласитесь, а согласитесь, наоборот, с распространением НАТО, и Советский Союз с этим согласится, то я больше в Москву

вообще не приеду». Понимаете, он был очень умный человек. Он видел в этом глубокий смысл, был убеждён в том, что нужно поменять формат абсолютно, уйти от времён «холодной войны». И мы этого ничего не сделали.

Вопрос: Он ещё приезжал в Москву?

В.Путин: Не знаю. Это был разговор от 27 февраля 1990 года. Это запись беседы между Фалиным со стороны Советского Союза, со стороны немецких политиков – господин Эгон Бар и Фойгт.

Что произошло на самом деле? Произошло то, от чего предупреждал господин Бар. Он предупреждал о том, что нельзя развивать военную структуру на восток – североатлантический блок. Надо создать нечто общее, объединяющее всю Европу. Ничего этого не произошло, а произошло как раз обратное, произошло то, против чего он предупреждал: инфраструктура НАТО начала развиваться на восток, и произошло расширение.

Мы тысячу раз слышали как мантру, повторяемую нашими американскими и европейскими политиками: страны имеют право выбирать сами способ обеспечения своей безопасности. Да, мы знаем об этом. Это правда. Но правда также и то, что другие страны имеют право принимать решение расширять свою собственную организацию и не расширять, действовать так, как они считают целесообразным с точки зрения обеспечения всеобщей международной безопасности. И ведущие члены НАТО могли бы сказать: нет, мы рады, что вы хотите к нам присоединиться, но мы не собираемся расширять нашу организацию, мы видим по-другому будущее Европы.

За предыдущие 20–25 лет, особенно после развала Советского Союза, когда исчез второй центр силы в мире, возникло желание получить полное удовольствие от своего единоличного пребывания на вершине мировой славы, власти и благополучия. И вообще не было никакого желания уже обращаться ни к международному праву, ни к Уставу Организации Объединённых Наций. Там, где они мешали, сразу объявлялось, что ООН устарела.

Кроме расширения НАТО на восток в области безопасности возникла система противоракетной обороны. Всё это в Европе развивается под предлогом купирования иранской ядерной угрозы.

В 2009 году нынешний Президент Соединённых Штатов господин Барак Обама сказал, что если ядерная угроза Ирана перестанет существовать, то тогда никакого стимула к созданию системы противоракетной обороны не будет, этот стимул исчезнет. Но договор с Ираном подписан, сейчас рассматриваются вопросы о снятии санкций, всё это поставлено под контроль МАГАТЭ, первый уран увозится уже на территорию России для переработки, а система противоракетной обороны продолжает развиваться. Подписаны двусторонние соглашения с Турцией, Румынией, Польшей, Испанией. В Испании размещаются морские силы, которые должны функционировать в сфере противоракетной обороны. В Румынии уже позиционный район создан, в Польше будет создан где-то в 18-м году, в Турции радар ставится.

Мы активно возражали против того, что происходило, скажем, в Ираке, в Ливии, в некоторых других странах. Мы говорили: не надо этого делать, не надо туда забираться

и не надо совершать ошибок. Нас же никто не слушал! Наоборот, считали, что мы занимаем какую-то антизападную, враждебную Западу позицию. А сейчас, когда вы имеете сотни тысяч, уже миллион беженцев, как вы думаете, у нас позиция была антизападная или прозападная?

Вопрос: Насколько я понял, Вы сложили те ошибки, которые Запад допустил в отношении Вашей страны. Как Вы считаете, Россия со своей стороны какие-то ошибки допустила за эти 25 лет?

В.Путин: Да, допустила. Мы не заявляли о своих национальных интересах, а нужно было делать это с самого начала. И тогда, может быть, мир был бы более сбалансированным.

Вопрос: То, что Вы сейчас сказали, означает, что начиная с 1990–1991 годов, с момента распада Советского Союза, в последующие годы Россия недостаточно чётко формулировала свои национальные интересы?

В.Путин: Абсолютно.

Вопрос: Мы знаем, что у Вас особое отношение к Германии. Десять лет назад в интервью с нами по случаю 60-летия окончания Второй мировой войны Вы сказали, что в истории Россия и Германия никогда не были так близки друг к другу, как сейчас.

Что осталось, по Вашему мнению, из этой близости к настоящему моменту?

В.Путин: Взаимная симпатия двух народов – это самое главное, это лежит в основе наших отношений.

Вопрос: Здесь ничего не изменилось?

В.Путин: Думаю, что нет. Несмотря на попытки – на ваши попытки, на попытки ваших коллег – испортить наши отношения с помощью средств массовой информации и антироссийской пропаганды, мне кажется, всё равно это сделать не удалось так, как вам бы хотелось. Не ваши лично, конечно. Я имею в виду СМИ вообще, в целом, в том числе в Германии. В Германии очень сильное зарубежное влияние на средства массовой информации, прежде всего из-за океана.

Вы сказали, что я сложил всё, что мы считаем ошибками со стороны Запада. Я совсем не всё сложил, я только некоторые вещи назвал, наиболее важные. После распада Советского Союза у нас возникли такие же сложные процессы внутри самой России. Это сокращение промышленного производства, развал социальной системы, сепаратизм и особенно очевидная атака международного терроризма.

Конечно, мы сами в этом виноваты, что там говорить, здесь некого винить. Но то, что международный терроризм использовался в борьбе против России, а никто либо не обращал на это внимания, либо наоборот поддерживал – антигосударственным силам России оказывали поддержку политическую, информационную, финансовую, а иногда даже вооружённую поддержку оказывали, – это для нас очевидный факт. И конечно, знаете, в этот момент мы осознали, что разговоры разговорами, а геополитические интересы – это совершенно другое дело.

По поводу российско-немецких отношений. Действительно, в 2005 году они вышли на очень высокий уровень, и дальше бы они развивались очень успешно. У нас товарооборот вырос до 80 с лишним миллиардов долларов.

Огромное количество рабочих мест в Германии было создано благодаря сотрудничеству между Россией и Германией. Мы вместе старались воспрепятствовать неблагоприятному развитию событий на Ближнем Востоке, в Ираке в частности.

Мы сделали очень серьёзные шаги в расширении энергетического сотрудничества. Огромное количество немецких предпринимателей открыли своё дело в России, тысячи предприятий были созданы. Увеличилось количество обменов между гражданами, развивались гуманитарные контакты. В это же время был создан и форум общественности «Петербургский диалог».

Я говорил, товарооборот у нас был 83–85 миллиардов долларов, а за первые месяцы текущего года в два раза упал. Я думаю, в конце года будет где-то под 40 миллиардов, не больше. На 50 процентов упал.

Тем не менее всё-таки у нас отношения сохраняются, мы регулярно встречаемся с Федеральным канцлером на различных мероприятиях, по-моему, семь раз в прошлом году встречались, 20 раз разговаривали с ней по телефону. У нас проводятся перекрёстные годы литературы и немецкого языка и, соответственно, русского языка в Германии и в России, в этом году мы планируем провести год молодёжных обменов – то есть отношения всё-таки развиваются, слава богу. Надеюсь, что и дальше будет развиваться. Мы преодолеем те сложности, с которыми сегодня столкнулись.

Вопрос: Насколько я понял из Ваших высказываний, НАТО следовало бы в то время сказать восточноевропейским государствам, что оно не будет их принимать в свой состав. Как Вы думаете, НАТО смогло бы это пережить?

В.Путин: Конечно.

Вопрос: Но это же в уставе НАТО зафиксировано.

В.Путин: Но кто пишет устав? Люди. Что, разве в уставе написано, что НАТО обязано принимать всех кто захочет? Нет. Нужны критерии, нужны условия. Была бы политическая воля, всё бы смогли сделать, если бы захотели. Не хотели просто. Хотели царствовать. Уселись на этот трон. И что дальше? Теперь мы обсуждаем кризисные ситуации.

А если бы сделали так, как предлагал старый умный немец, господин Эгон Бар, создали бы нечто новое, объединяющее Европу, и кризисов бы этих не было. Была бы другая ситуация, были бы свои проблемы. Может быть, они не приобрели бы такой остроты, понимаете?

Вопрос: Есть такая теория, что существует два Путина: один – молодой, до 2007 года, который заявил о солидарности с американцами, Шрёдер был его другом, и затем, с 2007 года, появился другой Путин. В 2000 году Вы говорили: мы никогда не должны

иметь конфронтации в Европе, надо сделать всё для того, чтобы преодолеть. И сейчас у нас такая конфронтация имеется.

У меня совершенно прямой к Вам вопрос. Когда мы получим назад прежнего Путина?

В.Путин: Я никогда не менялся. Во-первых, я и чувствую себя молодым сегодня. Я был другом Шрёдера, я и остаюсь другом Шрёдера. Ничего не изменилось.

А что касается отношения к проблемам, таким как борьба с терроризмом, оно тоже не изменилось. Да, тогда, 11 сентября, я был первым, кто позвонил Президенту Бушу и выразил ему свою солидарность. И мы готовы были сделать всё для того, чтобы вместе бороться с терроризмом. Сейчас, когда произошли теракты в Париже, я также разговаривал, а затем встречался с Президентом Франции.

Если бы тогда прислушались к Шрёдеру, прислушались к Шираку, прислушались бы ко мне, может быть, и не было бы сегодняшних террористических актов в Париже, потому что не было бы такого всплеска терроризма на территории Ирака, Ливии и других стран Ближнего Востока.

У нас есть общие угрозы, мы как хотели, так и сегодня хотим, стремимся к объединению усилий всех государств мира, и в Европе, и в мире вообще, для борьбы с этими угрозами. Это не только терроризм, это и преступность, торговля людьми, это борьба за сохранение окружающей среды – много общих проблем. Но это не значит, что мы каждый раз со всеми должны соглашаться по этим либо по другим вопросам. И если наша позиция кому-то не нравится, то не самый лучший способ каждый раз объявлять нас врагами. Может быть, лучше послушать иногда, критически переосмыслить, в чём-то согласиться и поискать общие решения? Именно об этом я и говорил в Нью-Йорке на 70-летию образования ООН.

Вопрос: Я хотел бы высказать мнение, что сегодня вызовы борьбы с исламским терроризмом настолько остры, что могли бы свести Россию снова воедино с Западом в этой борьбе, но возникает проблема Крыма. Действительно ли Крым стоит того, чтобы ставить на карту совместное сотрудничество с Западом?

В.Путин: Что Вы подразумеваете под словом «Крым»?

Вопрос: Изменение границ.

В.Путин: А я под этим понимаю людей – 2,5 миллиона человек. Это люди, которые испугались переворота, надо прямо сказать, были встревожены государственным переворотом на Украине. И после переворота в Киеве, а это было не что иное, как государственный переворот, как бы его ни приукрашивали, крайне националистически настроенные силы, которые приходили тогда к власти и отчасти, в значительной степени пришли к власти, они просто впрямую начали угрожать людям. И русским людям, и русскоязычным людям, проживающим на Украине вообще и в Крыму в частности, потому что там концентрация русских и русскоговорящих больше, чем во всех других частях Украины.

Что мы сделали? Мы не воевали, не оккупировали никого, нигде не стреляли, ни один человек не погиб в результате событий в Крыму. Ни один! Мы использовали

Вооружённые Силы только для того, чтобы сдерживать находившихся там двадцать с лишним тысяч военнослужащих Украины от вмешательства в свободное волеизъявление людей, проживающих там. Люди пришли на референдум и проголосовали. Они захотели быть в составе России. Вопрос - что такое демократия? Демократия – это воля народа, люди захотели жить так, как они проголосовали. Для меня важна не территория и не границы, а судьбы людей.

Вопрос: Но границы – это составная часть европейского миропорядка. Вы говорили о том, что это как раз очень важно, в том числе и в плане расширения НАТО.

В.Путин: Это важно – всегда соблюдать международное право. В случае с Крымом международное право не нарушено. В соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций каждый народ имеет право на самоопределение. В случае с Косово Международный суд ООН определил, что при решении вопроса о суверенитете мнение центральных властей можно не учитывать. Возьмите, если вы серьёзное издание, честное перед своими читателями, поднимите из архива выступление представителя ФРГ на этом Международном суде и процитируйте его. Возьмите письмо, по-моему, американский госдеп писал, или выступление представителя Великобритании. Возьмите и прочитайте, что там написано. Косово заявило о своей независимости, и весь мир принял это, по сути, знаете, каким способом?

Вопрос: После войны?

В.Путин: Нет, решением парламента. Они даже не проводили референдум.

Что произошло в Крыму? Во-первых, крымский парламент был избран в 2010 году, и тогда Крым входил в состав Украины. Это чрезвычайно важная вещь, о которой я сейчас говорю. Собрались депутаты, которые были избраны, ещё когда Крым был в составе Украины, проголосовали за независимость и назначили референдум. А граждане на референдуме проголосовали за воссоединение с Россией. Кроме того, как Вы правильно сказали, события в Косово состоялись после нескольких лет войны и фактически интервенции стран НАТО, после бомбардировок Югославии, ракетных ударов по Белграду.

Теперь я хочу Вас спросить: если косовары в Косово имеют право на самоопределение, почему жители Крыма не имеют такого же точно права? Если мы хотим, чтобы отношения между Россией и нашими друзьями – соседями в Европе и во всём мире строились в позитивном, конструктивном ключе, нужно как минимум соблюдать всегда одно обстоятельство, одно условие – нужно уважать друг друга, уважать интересы друг друга и придерживаться одинаковых правил, а не менять их каждый раз, как выгодно кому бы то ни было.

Вы меня спросили: Ваш покорный слуга – друг или не друг? Отношения между государствами строятся немножко по-другому, не как отношения между людьми. Я не друг, не невеста и не жених, я Президент Российской Федерации. 146 миллионов человек – у этих людей есть свои интересы, и я обязан их отстаивать. Мы готовы это делать не конфронтационно, мы готовы искать компромиссы, но, конечно, на базе международного права, единообразно всеми понимаемого.

Вопрос: Если Вы говорите, что в Крыму не было нарушения международного права, как Вы можете тогда объяснить своему населению, своим людям, что в результате этого шага Запад, в том числе по инициативе госпожи Меркель, ввёл санкции против России, от которых страдает российское население?

В.Путин: Вы знаете, российское население прекрасно чувствует и сердцем, и умом понимает, что происходит. Наполеон как-то сказал, что справедливость – это воплощение Бога на земле. Вот воссоединение Крыма с Россией – это справедливое решение.

Что касается реакции наших западных партнёров, мне кажется, она была ошибочной и направлена не на поддержку Украины, а на сдерживание роста возможностей России. Мне кажется, что этого не следует делать, в этом и заключается главная ошибка, а нужно, наоборот, использовать возможности друг друга для взаимного роста, для совместного решения проблем, перед которыми мы стоим.

Вы сказали о санкциях. Я думаю, что это глупое решение и вредное. Я говорил о том, что у нас товарооборот был с Германией 83–85 миллиардов долларов, и тысячи рабочих мест в Германии были созданы в результате этой совместной работы. Для нас какие ограничения? Это не самая сложная вещь, которую мы переживаем, но тоже вредная для нашей экономики – выход на внешние финансовые рынки.

Что касается наибольшего вреда, который наносится сегодняшней ситуацией, конечно, прежде всего вред нашей экономике – это вред от снижения цен на традиционные товары нашего экспорта. Но и в первом, и во втором есть негативные, но, как ни странно, есть и позитивные вещи. Когда цены на нефть высокие, нам очень трудно удержаться от использования нефтяных доходов на текущие расходы. И у нас нефтегазовый дефицит вырос, на мой взгляд, до очень опасной черты. Теперь мы вынуждены его понижать. И это оздоравливает...

Вопрос: Бюджетный дефицит?

В.Путин: Мы делим. У нас есть общий дефицит, а есть нефтегазовые доходы. Есть доходы, которые мы получаем от нефти и газа, а мы ещё делим и всё остальное.

Общий дефицит небольшой. А если вычистить нефтегазовый, то от нефти и газа получается слишком большой. И для того чтобы его сокращать, такая страна, как Норвегия, скажем, значительную часть нефтегазовых доходов направляет в резервы. Очень трудно удержаться от того, чтобы тратить, ещё раз повторяю, на текущие расходы доходы от нефти и газа. Снижение именно этих расходов оздоравливает экономику. Это первое.

И второе: всё можно купить за нефтедоллары. И когда доход от них высокий, то тогда происходит дестимуляция собственного развития, особенно в высокотехнологичных отраслях. У нас сейчас наблюдается падение ВВП на 3,8 процента, промышленного производства – на 3,3 процента, выросла инфляция до 12,7 процента. Это много, но при этом у нас сохраняется положительный баланс внешней торговли, и у нас впервые за многие годы значительно вырос объём экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Это точно совершенно позитивный процесс внутри экономики.

У нас сохраняется высокий уровень резервов, у Центрального банка примерно 340 миллиардов золотовалютных резервов, сейчас могу ошибиться, но за 300 миллиардов. И два резервных фонда Правительства, примерно по 70, по 80 миллиардов долларов каждый, один – 70, другой – 80. Мы считаем, что мы постепенно будем выходить всё-таки на стабилизацию и на подъём экономики. Мы приняли целый набор программ, в том числе по так называемому импортозамещению, а это как раз и есть вложения в высокотехнологичные сферы.

Вопрос: Вопросы санкций, а также вопросы Крыма Вы часто обсуждали с госпожой Федеральным канцлером Ангелой Меркель. Вы понимаете её? Вы доверяете ей?

В.Путин: Да, я уверен, что она очень искренний человек. У неё есть определённые рамки, в которых она должна работать, но она искренне, и в этом я не сомневаюсь, стремится к поиску решений по урегулированию в том числе и ситуации на юго-востоке Украины.

Вы говорили о санкциях. Все говорят о том, что нужно обязательно исполнить Минские соглашения, и тогда можно пересмотреть вопрос о санкциях. Поверьте мне, это сейчас приобретает характер театра абсурда, потому что основное, что должно быть сделано по исполнению Минских соглашений, лежит на стороне сегодняшних киевских властей. Нельзя требовать от Москвы то, что должен сделать Киев. Например, самым главным во всём процессе урегулирования, ключевым вопросом является вопрос политического характера, а в центре – конституционная реформа. Это 11-й пункт Минских соглашений. Там прямо записано, что должна быть проведена конституционная реформа, причём не в Москве же должны быть приняты эти решения!

Вот смотрите, у нас всё помечено: проведение конституционной реформы в Украине со вступлением в силу к концу 2015 года. Пункт 11. 2015 год прошёл.

Вопрос: Конституционная реформа должна была быть проведена после того, как будут прекращены все боевые действия. Так там было написано?

В.Путин: Нет, не так.

Смотрите, я Вам отдам на английском языке. Что написано? Пункт 9-й – восстановление полного контроля над государственной границей со стороны правительства Украины на основании закона Украины о конституционной реформе к концу 2015 года при условии выполнения пункта 11, то есть проведения конституционной реформы.

То есть сначала конституционная реформа, политические процессы, а потом на основе этих процессов создание атмосферы доверия и завершение всех процессов, в том числе закрытие границы. Наши европейские партнёры – и Канцлер ФРГ, и Президент Франции – должны как-то побольше вникать, мне кажется, в эти проблемы.

Вопрос: Вы думаете, это не так?

В.Путин: Я думаю, что у них много своих проблем. Но если уж мы занимаемся этим, то нужно туда вникать. Например, здесь написано, что изменения в Конституции должны быть на постоянной основе. Правительство Украины внесло в переходные

положения, имплементировало туда закон об особом статусе этих территорий, ранее принятый. Но этот закон, который они внесли в Конституцию, принят всего на три года. Два года уже прошло. Мы когда в Париже встречались, и Канцлер ФРГ, и Президент Франции согласились с тем, что этому закону должен быть придан другой характер, и он должен быть включён туда на постоянной основе. И Президент Франции, и Канцлер это подтвердили. Так эта Конституция не была проголосована даже в том виде, в котором она сейчас есть, а закону так и не придан статус постоянно действующего. Как можно требовать от Москвы то, что должны сделать в Киеве наши коллеги своим решением?

Вопрос: Каково Ваше отношение сейчас к госпоже Федеральному канцлеру? Вы сказали в своё время, что восхищались многими её качествами. Как сейчас обстоит дело?

В.Путин: Когда это я говорил?

Вопрос: То есть уважаете её.

В.Путин: Я и сейчас к ней так отношусь. Я уже сказал, что она очень искренний человек, очень профессиональный. Во всяком случае, уровень доверия, мне кажется, очень высокий.

Вопрос: Задам теперь очень личный вопрос. Когда в январе 2007 года госпожа Федеральный канцлер посещала Вас в Сочи, Вы знали тогда, что она боится собак?

В.Путин: Нет, конечно. Ничего я об этом не знал. Мне, наоборот, хотелось ей сделать приятное, когда я ей показал свою собаку. Я потом объяснился с ней и извинился за это.

Вопрос: Господин Президент, Вы будете предпринимать какие-то шаги по восстановлению формата «большой семёрки» в формат «большой восьмёрки»?

В.Путин: Никак я не воспринял эти слова. Каждый человек, тем более Президент Соединённых Штатов, имеет право иметь собственное мнение о ком бы то ни было: о своих партнёрах, о других странах. Это его мнение, так же как мне известно его мнение о том, что американская нация, Соединённые Штаты являются исключительными. Я не согласен ни с тем, ни с другим.

Я сейчас поясню по поводу России. Во-первых, мы не претендуем на роль какой-то супердержавы. Это очень дорого и ни к чему. Мы занимаем пятое-шестое место в мире по объёму экономики. Сейчас, может быть, чуть поменьше, имея в виду те экономические сложности, про которые я сказал, но мы точно знаем, что у нас есть очень хорошие перспективы развития и потенциал. По паритету покупательной способности это где-то шестое место примерно.

Если говорить о России как о региональной державе, то сначала нужно определиться, о каком регионе идёт речь. Надо посмотреть на карту и сказать: это какая, европейская часть? Или восточная часть, где у нас соседями являются Япония и Соединённые Штаты, если иметь в виду Аляску, и Китай? Это азиатская часть? Или это, скажем, южная часть? Или посмотреть на север. По сути, на севере мы граничим с Канадой

через Ледовитый океан. Или на юге? Где? О каком регионе идёт речь? Я думаю, что рассуждения о других странах, попытка рассуждения о других странах в уничижительном порядке – это обратная сторона доказать свою исключительность. Мне кажется, что это ошибочная позиция.

Вопрос: А что по поводу «большой восьмёрки»?

В.Путин: Мы планировали принять «восьмёрку» в 2014 году. Мне кажется, во-первых, полноценным членом «восьмёрки» Россия так и не стала, потому что всегда были какие-то разговоры между министрами иностранных дел семи стран отдельно. Не могу сказать, что это какой-то бесполезный инструмент. Всегда на пользу идут встречи, обсуждения, поиск каких-то совместных решений.

Мне кажется, что присутствие России всё-таки было полезным, потому что звучало хоть какое-то альтернативное мнение по некоторым обсуждавшимся вопросам. То же самое примерно мы обсуждаем в рамках «двадцатки», АТЭС – на Востоке, в рамках БРИКС. Мы готовы были принять и «восьмёрку» в 2014 году. Не мы же куда-то не поехали – к нам не приехали. Если коллеги решат к нам приехать – ради бога, пожалуйста, мы их с удовольствием примем, но сами никуда мы билетов пока не покупали.

Вопрос: Хотел бы спросить: как Вы думаете, если не в рамках «большой восьмёрки», то, может быть, по линии НАТО будет возобновлено сотрудничество? Ведь существовал Совет Россия–НАТО, проводились совместные маневры. Как Вы думаете, возможно ли восстановление этого сотрудничества или мы должны отказаться от этой перспективы?

В.Путин: Когда-то этот Совет, можно сказать, почти что придумал, во всяком случае, активно поддержал бывший премьер-министр Италии Берлускони, и мы подписали, по-моему, как раз документ об образовании Совета Россия–НАТО в Италии. Не мы же прервали сотрудничество в рамках «восьмёрки», в рамках Совета Россия–НАТО. Мы готовы работать со всеми, если есть предмет для совместного обсуждения. Мы считаем, что он есть, но любовь может быть счастливой, если она взаимная. Если с нами не хотят работать, значит, не надо.

Вопрос: Отношения между Россией и НАТО сейчас переживают, к сожалению, не этап сотрудничества, а этап конфронтации. Турецкие вооружённые силы сбили российский военный самолёт, всё чаще отмечаются случаи опасного сближения военных кораблей России и Турции. Как Вы думаете, такого рода развитие событий не может ли привести на каком-то этапе к перерастанию «холодной войны» в «горячую», к настоящим боевым действиям?

В.Путин: Турция – член НАТО. Но проблемы, которые возникли, не связаны с членством Турции в НАТО – на Турцию никто не нападал. Турецкое руководство вместо попыток объясниться с Россией за совершённое военное преступление, в связи с тем что они сбили наш военный бомбардировщик, наносивший удары по террористам, кинулось в штаб-квартиру НАТО искать защиты, выглядит это очень странно и, на мой взгляд, для Турции унижительно.

Повторяю ещё раз: НАТО должно защищать своих членов от нападения на них, но на Турцию никто не нападает. Если у Турции есть какие-то интересы где-то в мире, в ближайших государствах, в странах, это значит, что НАТО должно защищать и обеспечивать все эти интересы, что ли? Это значит, что такой член НАТО, как Германия, должен помогать Турции осваивать близлежащие территории, что ли?

Я надеюсь, что ни к каким масштабным столкновениям подобные инциденты не приведут. Конечно, мы все понимаем, что Россия при каких-то угрозах в отношении себя будет отстаивать интересы своей безопасности всеми доступными и имеющимися у неё средствами, если такие угрозы в отношении России будут возникать.

Вопрос: Теперь перейдём к теме Сирии, если позволите.

Мы говорим о том, что здесь мы боремся с общими вызовами. Это касается совместной борьбы с «Исламским государством» в Ираке и в Сирии. Но на Западе некоторые утверждают, что российские Вооружённые Силы в Сирии ведут борьбу не с силами «Исламского государства», а с повстанцами, которые борются в свою очередь с Асадом. Что Вы можете сказать на это в ответ? А именно, что Россия бомбардирует не тех?

В.Путин: Всё они врут. Смотрите, те видеоматериалы, которые появляются в обоснование этого тезиса, появились ещё до того, как наши лётчики стали наносить удары по позициям террористов. И этому есть подтверждение. Но наши критики стараются этого не замечать.

Американские лётчики, я думаю, по ошибке, конечно, нанесли удар по больнице в Афганистане, в Кундузе, по госпиталю «Врачей без границ». Люди погибли, врачи пострадали и погибли тоже. Об этом в западной прессе стараются умалчивать, ничего не говорят, забывают, быстренько-быстренько всё забывают. Сказали пару раз и положили под сукно. Сказали пару раз только потому, что там были иностранцы, «Врачи без границ».

Кто сейчас вспоминает про уничтоженные свадьбы? Сто с лишним человек одним ударом уничтожили.

А вот эти фальшивки тиражируют постоянно – по поводу того что наши лётчики наносят удары по гражданским объектам. Если считать, скажем, «живые нефтепроводы», состоящие из тысяч бензовозов и нефтевозов, мирными объектами, тогда да, тогда можно считать, что наши лётчики наносят удары по таким объектам, но по ним наносят удары все: и американцы, и французы, и кто угодно.

Вопрос: Но однозначно и то, что Президент Сирии Асад наносит удары по собственному населению. Можно ли говорить, что Асад является Вашим союзником?

В.Путин: Вы знаете, это всегда очень тонкая тема. Ведь я думаю, что Президент Асад совершил немало ошибок в ходе развития конфликта в Сирии. Но разве мы с вами не знаем, что конфликт не приобрел бы такого масштаба, если бы изначально не был поддержан извне в огромных количествах деньгами, оружием, боевиками? В таких конфликтах, конечно, к сожалению, к огромному сожалению, страдает мирное население.

Но кто несёт ответственность за это? Правительство, которое стремится сохранить суверенитет и борется с этими антиконституционными действиями, либо те, кто организует такую вооружённую борьбу с правительством?

И по поводу: союзник Асад, не союзник, чего мы хотим в Сирии. Знаете, я Вам скажу точно, чего мы не хотим: мы не хотим, чтобы ситуация в Сирии развивалась так, как она в Ливии развивалась или в Ираке. Надо отдать должное, я уже говорил об этом Президенту ас-Сиси в Египте, если бы он не взял на себя ответственность, не проявил мужество и не взял бы контроль над страной в свои руки, то и в Египте могло произойти то, что в Ливии происходило. На мой взгляд, нужно стремиться всеми силами к тому, чтобы укрепить легитимную власть в странах региона. Это касается Сирии. Восстановить и укрепить складывающиеся структуры власти в такой стране, как Ирак, и в такой стране, как Ливия. Добиться стабилизации в такой стране, как Сомали, скажем, и в других странах. Укрепить власть в Афганистане. Но это не значит, что нужно оставить всё как есть. На базе этой стабилизации нужно, конечно, проводить политические реформы.

Что касается Сирии, то я считаю, что нужно двигаться по направлению к конституционной реформе. Это сложный процесс, конечно. А затем на базе новой Конституции провести досрочные выборы и президента, и парламента. И только сам сирийский народ должен определить, кто и как будет управлять страной. Только в этом случае можно будет создать ситуацию стабильности, безопасности, создать условия для роста экономики и благосостояния людей, создать условия для того, чтобы они не бежали в Европу, а жили в своих собственных домах на своей собственной родине.

Вопрос: Но Асад, по Вашему мнению, является легитимным руководителем, если он допускает уничтожение собственного населения?

В.Путин: Он не стремится к уничтожению собственного населения. Он борется с теми, кто пришёл к нему с оружием в руках. А если от этого страдает мирное население, то я думаю, что прежде всего ответственность за это несут те, кто борется с ним с оружием в руках, и те, кто помогает вооружённым формированиям.

Но я же сказал, что это не значит, что там всё хорошо и все правы. Именно поэтому считаю, что нужно проводить политические преобразования. Первым шагом в этом направлении должна быть работа над новой Конституцией и её принятие.

Вопрос: Если Асад вопреки ожиданиям проиграет выборы, Вы дадите ему возможность убежища в Вашей стране?

В.Путин: Вы знаете, мне кажется, что обсуждать это преждевременно. Мы господину Сноудену предоставили убежище, это было сложнее, чем предоставить Асаду.

Сначала нужно дать возможность сирийскому народу высказаться. И я Вас уверяю, если это пойдёт демократическим способом, таким путём, то, может быть, и не нужно будет Асаду куда-то уезжать. И не важно, будет он президентом или нет.

Вы говорили о том, куда и как мы наносим удары, а сейчас говорите об Асаде как о нашем союзнике. А Вам известно, что мы поддерживаем боевые действия вооружённой

оппозиции, которая борется с ИГИЛ? Вооружённая оппозиция к Асаду, которая борется против ИГИЛ. Причём мы согласовываем с ними наши совместные действия и поддерживаем ударами нашей авиации их наступательные операции на различных участках фронта. Речь идёт о сотнях, тысячах вооружённых людей, которые борются с ИГИЛ. Мы поддерживаем как армию Асада, так и вооружённую оппозицию. Некоторые из них уже публично заявили об этом, некоторые предпочитают молчать, но работа идёт.

Вопрос: Хотел бы под конец затронуть тему, которая раньше ещё у нас не возникала, а именно: разногласия между Саудовской Аравией и Ираном, как будто нам не хватает Сирии. Не означает ли это, что эти разногласия могут привести нас к очень серьёзному конфликту?

В.Путин: Точно совершенно это нам осложняет работу по решению сирийской проблемы и решению проблемы борьбы с терроризмом, решению проблемы прекращения потока беженцев в Европу. Это совершенно очевидно.

Приведёт это к какому-то крупному региональному столкновению, я не знаю. Мне не хочется говорить и даже думать в этих категориях. У нас очень хорошие отношения сложились с Ираном, и устойчивые партнёрские отношения складываются с Саудовской Аравией.

Мы, конечно, сожалеем по поводу того, что там произошло. Но у вас ведь нет смертной казни? Мы, несмотря на очень тяжёлое время борьбы с терроризмом в России в 90-е годы, в начале 2000-х годов, отказались от применения смертной казни. И сейчас у нас тоже её нет. Есть страны, в которых смертная казнь применяется: Саудовская Аравия, Соединённые Штаты, в некоторых других странах.

Мы сожалеем о том, что это произошло, тем более что этот проповедник, он же не боролся с оружием в руках против Саудовской Аравии. В то же время нападение на посольство – это абсолютно неприемлемое в современном мире событие, это правда. Насколько мне известно, иранские власти арестовали несколько зачинщиков этого погрома. Если наше участие в этом будет как-то востребовано, мы готовы всё сделать для того, чтобы конфликт был исчерпан и как можно быстрее.

Вопрос: Господин Президент, последний вопрос.

В ходе подготовки к проведению зимних Олимпийских игр в Сочи на Западе очень громко звучала критика в отношении развития демократии, соблюдения прав человека в России. Предвидите ли Вы, что волна такой критики опять может подняться в ходе подготовки к чемпионату мира по футболу в 2018 году?

Мне кажется, русский язык более масштабный, чем немецкий. (По поводу длительности перевода вопроса с немецкого на русский язык.)

В.Путин: Немецкий язык, я бы сказал, поточнее. Русский язык более многообразный, более изящный. Хотя, конечно, у таких гениальных людей, как Гёте, допустим, и немецкий звучит очень изящно и красиво – только по-немецки можно почувствовать эту красоту. Почувствовать можно, только когда понимаешь, чувствуешь.

Что касается демократии. О свободе, как правило, говорят правящие классы для того, чтобы мозги запудрить тем, кем они управляют. Ничего нового нет по поводу демократии в России. Как мы уже установили, демократия – это власть народа и влияние народа на власть. Мы хорошо усвоили прививку единоличного управления со стороны одной политической силы – Компартии, КПСС. Поэтому, конечно, мы давно сделали свой выбор и будем развивать институты демократии внутри страны. 77 партий у нас сейчас могут принять участие в парламентских выборах. Мы вернулись к прямым выборам губернаторов.

Мы развиваем и будем дальше развивать инструменты прямой демократии, имея в виду самые разные общественные организации. Но не может быть одинаковых клише в области демократии – американской, европейской – немецкой, российской, индийской. Вы знаете, что в истории Америки было два случая, когда Президент избирался большим количеством выборщиков, за которыми стояло меньшее количество избирателей? Это что – отсутствие демократии, что ли? Нет, конечно. Но это не единственная и не самая главная проблема. Как мне говорил один из европейских лидеров: в Штатах невозможно выйти на выборы Президента, не имея нескольких миллиардов долларов.

О парламентской системе демократии. Мне всё время говорят: как долго Вы работаете Президентом. Но в парламентской системе первое лицо – глава Правительства – вообще без ограничений количество раз может возглавлять Правительство.

Мы вернулись к прямым выборам руководителей регионов. Но в некоторых странах руководители регионов назначаются центральным правительством. Не знаю, могу ошибиться, может быть, лучше об этом не писать или проверить, по-моему, в Индии то же самое.

Наверное, у нас очень много ещё проблем, связанных с тем, чтобы люди почувствовали, что они реально влияют на власть, а власть реагирует на их требования. Мы будем работать над тем, чтобы совершенствовать наши инструменты.

Что касается попыток использовать спорт в политических каких-то дрязгах и политической борьбе, я считаю, что это огромная ошибка. Это делают глупые люди. Если возникают какие-то проблемы, особенно на межгосударственном уровне, спорт, искусство, музыка, балет, опера – это те средства, которые должны сближать людей, а не разъединять их. Нужно поддерживать эту роль искусства и спорта, а не принижать и не уничтожать её.

Реплика: Благодарю Вас, господин Президент, за прекрасный и очень подробный разговор.

Source: <http://kremlin.ru/events/president/news/51155>